

**Долгая
дорога
в Бостон**

В НАЧАЛЕ ЯНВАРЯ 2010 г. в офисе известного предпринимателя Джона Престона, управляющего партнера американской инвестиционной компании C Change Investments, раздался телефонный звонок из России.

Собеседник на другом конце провода сообщил: в Бостон собрались очень влиятельные русские чиновники, они хотят своими глазами посмотреть на американское инновационное чудо — Массачусетский технологический институт, и не мог бы он, Джон, помочь в организации этого визита.

Престон, известный венчурный предприниматель, основатель и первый руководитель Центра коммерциализации научных разработок MIT, в свое время действительно обещал русским помочь организовать такую поездку. Дело было в октябре 2009 г., когда в Москве проходил Международный форум по нанотехнологиям RUSNANOTECH-2009. Глава государственной корпорации

РОСНАНО Анатолий Чубайс обсуждал тогда с Престоном идею создания международного венчурного фонда, в который через C Change Investments планировалось привлечь 500 млн долл. Сам Чубайс был частым гостем в Бостоне и на конференции много рассказывал главе Сбербанка России Герману Грефу о том, как полезны подобные поездки в профессиональном плане.

Греф, который в свое время приложил немало усилий для создания в России рынка венчурных инвестиций, теперь задумывался о венчурном фонде при Сбербанке. Он загорелся идеей поехать в Бостон, чтобы, так сказать, «перенять передовой опыт». Джон же Престон пообещал этим опытом поделиться.

Правда, в январе 2010 г. Престона смущало два обстоятельства. Русские, которые хотели больше узнать о «бостонском чуде», собирались приехать уже через десять дней, а визиты подобного уровня обычно готовятся как минимум в течение полугода. Кроме того, в Бостон собирались не только Герман Греф с Анатолием Чубайсом, но и первый вице-премьер российского правительства Игорь Шувалов, заместитель главы Администрации Президента Владислав Сурков, вице-премьер Сергей Собянин, министр финансов Алексей Кудрин, глава Министерства экономического развития Эльвира Набиуллина, помощник президента Аркадий Дворкович.

И еще: звонивший из Москвы попросил никому не рассказывать о предстоящем визите, потому что, по его словам, это top secret.

Говорят, что в Бостоне был аврал, но программу для русских организовали.

MIT, куда так стремились попасть чиновники из России, — один из ведущих технологических вузов мира. Здесь есть на что посмотреть и с кем пообщаться. В его коридорах в 2010 г. можно было встретить девять нобелевских лауреатов, а вообще к MIT имели отношение 76 исследователей, отмеченных премиями Нобелевско-

го комитета. Здесь было и чем удивить. Например, лабораториями, где ведутся фантастические по своим амбициям исследования в области робототехники и искусственного интеллекта.

Но российскую делегацию интересовали не беседы с нобелевскими лауреатами и даже не искусственный интеллект. Ее интересовало то, что сделало MIT первым среди равных, — умение соединять бизнес и науку, превращать научные идеи в деньги.

Пространство вокруг Kendall Square в Кембридже, где располагаются учебные корпуса и лаборатории MIT, офисы сотен технологических компаний, работающих в области биотехнологий, инжиниринга, IT-технологий, патентных поверенных, юристов в области интеллектуального права, частных инвесторов и инвестиционных компаний, считается «местом силы», где встречаются «гики» — инженеры, ученые, венчурные инвесторы, бизнес-ангелы. Здесь ежегодно возникает несколько десятков технологических стартапов. Одни из них тут же «умирают», другие превращаются в устойчивые компании, а некоторые делают своих создателей миллионерами.

«Министры из России встречались не с профессорами и студентами MIT, а с ключевыми фигурами инновационного кластера, которые занимаются коммерциализацией технологий: антрепренерами, менторами, государственными чиновниками, ответственными за инновации, — рассказывал один из организаторов поездки. — В течение двух дней русским пытались объяснить, как устроена уникальная инновационная экосистема, сложившаяся вокруг MIT в течение нескольких десятков лет».

Говорят, что два дня знакомства с «местом силы» оказали на многих гостей эффект солнечного удара. Квинтэссенцией встречи стал изумленный вопрос Сергея Собянина, адресованный американским коллегам: «Почему вы еще не сидите?» Брутальному управленцу из Тюмени, который впоследствии стал мэром россий-

ской столицы, было трудно понять особенности механизма государственной поддержки передовых исследований. Почему на входе государство вкладывает в исследования и разработки 400 млн долл. живых денег, а на выходе получает всего 200 млн долл.? Куда деваются остальные? «Они возвращаются в экономику в виде косвенных бенефитов, — объясняли американцы. — Возникают новые компании, создаются новые рабочие места, платятся налоги». Много нового, связанного с особенностями налогообложения инновационных компаний, открыл для себя и тогда еще занимавший пост министра финансов Алексей Кудрин.

Говорят, что та поездка имела историческое значение. И не только потому, что учиться никогда не поздно, даже министрам и вице-премьерам. Благодаря ей люди, от которых зависит будущее России, поняли, каким должен быть Город, который откроет дорогу в это Будущее.

Понимание пришло к российским чиновникам, конечно, не за десять дней, проведенных в США. На это ушли годы. Годы административных потуг, бюрократического морока, интриг и метаний. И много-много миллиардов долларов из бюджета, потраченных на изобретение «уникального» кабриолета российской инновационной экономики, который, как ни старались, все время получался то без мотора, то без колес и не желал трогаться с места.

Согласно результатам опроса ВЦИОМа, 63% граждан России считали инновации необходимым условием процветания страны¹. Многие эксперты-экономисты утверждали, что инновационный путь развития — единственный способ ее спасти. «Исчерпанность действующей экономической модели особенно очевидна в социальной сфере, — писал в те годы журнал «Эксперт». — Размер среднего класса, того слоя, который должен доминировать в развитой стра-

¹
ВЦИОМ. «Инновации:
спасут ли они
Россию?».
26 марта 2008 г.

не, который задает стандарты жизни, воспринимая новое, который стабилизирует политическую жизнь, перестал расти. По разным оценкам, его доля не превысила 20–25%. В России ощущается недостаток современных рабочих мест, передовые секторы экономики не растут, наука мало востребована бизнесом, большие проблемы с качеством высшего и специального образования. Мировой кризис, как это бывало уже много раз, обозначил рубеж, преодолеть который можно, только осваивая нечто новое, инновационное. Эти инновации, вначале обычно технологические, влекут за собой инновации в социальной сфере, изменения в образе жизни большинства людей, под них подстраивается и политическая сфера, осознается новый тренд развития общества в целом.

Наша страна пропустила предыдущий цикл, пройденный развитыми странами за несколько последних десятилетий. Если Россия не поймает новую волну мирового развития, ее деградация и архаизация станут неизбежными. Проект, направленный на развитие инноваций и модернизацию, пусть пока еще и невнятный, требующий проработки, — шанс попасть в мировой тренд вместе с лидерами. Так что это не просто экономический проект. Это проект еще и политический — он заставляет политических игроков адекватно отвечать на вызовы времени. Это проект и социальный — в случае успеха он изменит жизнь десятков миллионов человек, сделает ее современной и интересной»².

Возможность сделать жизнь в России более современной и интересной с помощью инноваций казалась очень привлекательной. Смущало, правда, что, согласно результатам того же опроса ВЦИОМ, каждый второй гражданин России не мог объяснить, что такое инновации.

И действительно, инновационная экономика — это как? Когда Дмитрий Медведев говорил об экономике знаний, а тысячи чинов-

ников всех уровней повторяли, как мантру, что мы строим экономику, основанную на постоянном технологическом совершенствовании, экспорте технологий и технологичной продукции с очень высокой добавочной стоимостью, экономику, в которой основную прибыль создает не материальное производство и не концентрация капитала, а интеллект новаторов и ученых, это, скорее, походило не на программное заявление, а на цитату из «Википедии», чем, собственно, и являлось.

А как все должно было выглядеть на деле, чтобы суть вышесказанного понимал не только каждый второй, но и каждый первый гражданин страны?

Может быть, так?

У президента России в руках не iPad, а наш, русский планшетник под названием «Перетолк». И в кармане у вас русский «чудофон», ваша мама принимает уникальные лекарства, продлевающие жизнь, сделанные в Новосибирске, а отец вкладывает деньги «на старость» в акции российских энергосберегающих компаний. Сын вашего соседа, сублильный ботаник с биофака МГУ, продает патент на свое изобретение и на вырученные деньги покупает ночной клуб. Ваш одноклассник — владелец небольшой технологической фирмы, производящей вибродатчики, поставляет их «Газпрому». Бумажные рубли в стране — редкость. Все платежи — через «чудофон». Программа «Электронная Россия» признана достоянием человечества. «Ростехнологии» — самая дорогая публичная компания мира. Об историях успеха русских изобретателей в Голливуде снимаются фильмы. Торговать алюминием в России — моветон, нефтью — запахло. Китай вводит протекционистские меры против импорта русских технологий. Приемную Ростовского Национального исследовательского университета штурмуют американские абитуриенты.

Казалось, для того чтобы эти сказки сделать былью, руководители страны приложили немало усилий. По всем формальным признакам, к 2010 г. в России были созданы все возможные инструменты поддержки и развития инноваций. За них в стране отвечали Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики при Президенте, Правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям, Совет при Президенте по развитию информационного сообщества. Над проблемой работали четыре федеральных министерства — образования и науки, экономического развития, связи и коммуникаций, промышленности и торговли. Работали институты развития, созданные государством: РОСНАНО, Российская венчурная компания, Фонд развития малых форм предприятий в научно-технической сфере, региональные венчурные фонды. В России существовали четыре технико-внедренческие зоны, созданные для поддержки инноваций, строились технологические парки. За период с 2007 по 2010 гг. государство выделило на формирование инновационной среды в стране порядка 233,59 млрд руб.³ Во многих российских университетах преподавали специальный предмет — инноватику. На тему инноваций писали статьи, книги, защищали диссертации. Десятки институтов работали над инновационными стратегиями.

Больше всего эта странная система походила на пеструю ширму, которая скрывала либо что-то очень важное, но недоступное понимание, либо полное отсутствие чего-либо вообще. ■

³ Forbes.ru. Иван Стерлигов. «Сколько государство потратило на модернизацию». 12 июня 2010 г.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

